

Раньше Лу Чжан не имел глубокого понимания того, что такое «мастер боевых искусств». На службе у императорской семьи было множество таких мастеров, и за время своей службы в двух династиях он не видел ничего особенно выдающегося. В лучшем случае они могли взобраться на крышу, перепрыгнуть через стену или раздавить пару камней — мастера боевых искусств тоже были из плоти и крови, и с ними можно было справиться обычными стрелами.

Императорский дворец был строго охраняем, и это точно не было местом, куда какие-то бродяги с улиц могли приходить и уходить по своему желанию. Вокруг императора круглосуточно дежурили слуги и императорская гвардия. Прорваться через такие преграды, чтобы убить императора, Лу Чжан считал совершенно невозможным.

Однако это мнение было разрушено три года назад.

В Северном усмирительном управлении произошла трагедия. От первого погибшего цзиньивэя до тяжело раненного заместителя командующего Гун Цзюня патрулирующие императорский город гвардейцы не знали, что именно произошло. Мэн Ци пришел беззвучно и ушел, не будучи замеченным ни одним человеком, оставив после себя множество трупов и группу цзиньивэев, которые были на грани нервного срыва.

Лу Чжан слышал от слуг, что в Северном усмирительном управлении не осталось ни одного человека на ногах.

И не было крови.

Тела были целыми, причиной смерти было сломанное горло.

На лицах погибших были только ужас и страх, но не было следов мучительной смерти. Многие даже не осознавали, что с ними произойдет.

Эти трупы нельзя было назвать ужасными, тюрьмы цзиньивэев и Суд Дали были куда более пугающими. На поле боя разорванные на куски тела тоже были более шокирующими. Однако именно эти беззащитные трупы и живые люди, лежащие среди них и неспособные пошевелиться, вызывали все больше страха.

Был ли этот убийца злым духом или демоном? Как он смог не дать никому выбежать из Северного усмирительного управления и исчезнуть без следа до того, как туда вошли люди снаружи?

Лу Чжан услышал имя «Мэн Ци» от выживших в Северном усмирительном управлении, а затем, изучив дело, понял, что все погибшие были теми, кто по секретному приказу рыл дом бывшего государственного наставника, скрывавшегося на горе Заоблачная, в поисках императорской нефритовой печати. Лу Чжан сразу понял, что это была месть Мэн Ци.

Из-за этого он не мог спать спокойно больше месяца.

Лу Чжан никогда не видел этого государственного наставника династии Чу. Когда он возвысился и прибыл в столицу, император Юань из династии Чу уже умер, и тех основателей династии, кто ушел из жизни, он, естественно, забыл. Если бы не поиск императорской нефритовой печати, Лу Чжан даже не вспомнил бы о Мэн Ци.

Именно Мэн Ци показал Лу Чжану, что такое настоящий мастер боевых искусств.

Поэтому, когда Лу Чжан узнал, что второй принц связался с уличными бродягами, он не стал смеяться, а сразу же расставил множество ловушек и строго приказал выяснить происхождение противника.

Когда личность старого предка Цинъю Чжао Цанфэна была раскрыта, Лу Чжан без колебаний приказал гвардейцам притащить три пушки, не боясь вызвать недовольство чиновников, и даже разместил порох в Чертоге Десяти Тысяч Гармоний.

Чертог Десяти Тысяч Гармоний был местом, где император принимал чиновников, символом власти в Поднебесной. Этот шаг Лу Чжана действительно стал неожиданностью для второго принца и старого предка Цинъю.

К этому времени Дворец Весеннего Великолепия был уже превращен в руины пушками, и гвардейцы все еще занимались расчисткой.

Лу Чжан вспомнил, как командующий гвардейцев уверенно доложил, что убил этого «мастера», причем именно пушками, и что второй принц, даже если и сбежал, точно не сможет покинуть императорский город, и его поймают самое позднее к утру. Лу Чжан даже похвалил командующего гвардейцев, но теперь? Что теперь происходит?

Лу Чжан был полон гнева, смешанного с сильным беспокойством.

Вокруг него не осталось ни одного охранника, только бесполезный третий принц и несколько перепуганных слуг.

Второй принц, добравшись до двери, тяжело дышал, глядя на Лу Чжана, и в его глазах читалась ненависть.

— Лу Минь, ты глуп до безобразия! Ты думаешь, что эти уличные бродяги легко удовлетворятся золотом и серебром? — Лу Чжан прищурился, холодно отчитывая второго принца. — Твоя мать все это время просила за тебя, с твоего детства, столько лет, ты уже возмужал и женился, но все еще остаешься безнадежным дураком!

— Заткнись!

Второй принц, словно взорвавшийся петардой, резко вскочил на ноги, яростно скрежеща зубами.

В этот момент второй принц действительно пожалел, что не учился усердно. Как он мог, видя лицемерие академиков, просто отмахнуться от учебы? Если бы он был шестым принцем, то сейчас бы смог высказать все, что думает, и ни одно его слово нельзя было бы опровергнуть.

Но он дрожал от гнева, и его ум был пуст.

[Снаружи, наблюдая за всем этим, Мэн Ци: ...]

Эти два принца действительно бесполезны. Один прячет нож, но не решается действовать, другой полон гнева, но не может высказаться. Что еще можно от них ожидать?

— Наследный принц хорошо заботится о своем шестом брате, видимо, потому что другого выбора у него нет, — пробормотал Мо Ли.

Просто выбирали из худших. Даже если и недовольны, после того как посмотрят на двух других принцев, смогут найти достоинства в шестом принце. По крайней мере, он смел, внимателен, готов действовать и не боится публики.

— Ладно, мы получили деньги, — напомнил Мэн Ци.

Если они не войдут сейчас, третий принц может умереть от страха, а второй, вероятно, сгорит от ярости, которую не сможет выплеснуть.

Мо Ли подумал и понял, что это действительно возможно.

У второго принца слабое здоровье, а третий заплатил целых триста лян серебра!

В этот момент Лу Чжан схватил третьего принца и бросил его вперед, холодно сказав:

— Убей Лу Миня, и я объявлю тебя наследником престола.

Бледный третий принц дрожал, слезы текли по его лицу, и он заикался:

— Это... это, отец, ты говоришь, что сделаешь меня наследником? Но, но...

— Если ты даже этого не можешь, как ты собираешься взойти на трон? — резко отругал Лу Чжан, его голос был полон насмешки. — Ты ведь тайно через академиков общался с чиновниками? Даже двух министров пытался привлечь на свою сторону, разве не для того,

чтобы стать наследным принцем? У тебя есть амбиции, но нет смелости, а?

Разоблаченный третий принц еще не успел отреагировать, как его старший брат, второй принц, был шокирован, явно не зная об этом.

— Что? Третий, ты действительно... Как ты посмел? Как ты мог сделать такое?!

Второй принц пришел в ярость, его лицо исказилось, словно он хотел задушить своего брата.

Лу Чжан холодно смотрел на двух братьев, уголки его губ только начали подниматься в насмешке, как вдруг замерли.

— Старший брат еще жив, а ты уже смеешь претендовать на трон? Ты подлый негодяй, предатель!

Второй принц действительно бросился к своему брату, схватил его за воротник, а третий принц отчаянно сопротивлялся, крича, что он ничего не делал.

Видя, что в зале царит хаос, Лу Чжан с меняющимся выражением лица решил взять меч и осторожно отступить к шкафу у стены, где был скрытый механизм, который мог открыть выход.

Но он успел сделать лишь несколько шагов, как услышал свист, и скрытое оружие вонзилось в пол перед ним.

Лу Чжан посмотрел вниз, и его лицо изменилось.

Это была косточка от восковницы, очень маленькая, но прочно застрявшая в полу.

Если бы это оружие попало в человека, его сила была бы достаточной, чтобы сломать кости и пробить внутренности.

— Кто здесь? Прятаться и скрываться — это поведение труса, почему бы не показаться?

Лу Чжан, будучи императором уже более десяти лет, хоть и был напуган, внешне сохранял спокойствие, оставаясь властным монархом. Кто-то другой мог бы восхититься императорским достоинством, но он столкнулся с Мэн Ци.

Толстая мышь с презрением фыркнула.

Лекарь Мо, привыкший к толстой мыши, тоже не впечатлился.

Раздался звук, похожий на ливень, и три косточки от восковницы влетели в зал, все попав в меч в руках Лу Чжана. Сила удара была настолько сильной, что его ладонь заныла от боли, кровь потекла, и меч выпал из рук.

Мэн Ци бросил все свои съеденные косточки от восковницы и спокойно вошел в зал, сложив руки за спиной.

В зале горел тусклый свет, а за окном восходила луна.

Тот, кто шел под луной, казался не от мира сего, с изысканной внешностью, словно вырезанной из яшмы.

Даже второй человек, вошедший следом, был ясен духом и чист сердцем, такой человек мог бы сравниться с нефритовым деревом в чудесном лесу. Когда в мире бродяг появились такие люди?

Или, точнее, как человек с такой внешностью и такой аурой мог быть бродягой?

Когда Мэн Ци вошел в зал, свет осветил его лицо, и его улыбка заставила Лу Чжана резко вспомнить одного человека.

— Мэн... государственный наставник?

Три года назад выживший цзиньвэй из Северного усмирительного управления с трудом нарисовал портрет.

<http://bllate.org/book/15299/1351975>